

*Всем тем, кому хватает смелости
постичь перемены*

*Некоторые имена и конкретные детали
были изменены, а отдельные персонажи
и события являются результатом
литературной обработки.*

ПРОЛОГ

Альпинизм — длительные периоды интенсивной скуки, прерываемые редкими моментами абсолютного ужаса.

Аноним

Я карабкалась по каменистой морене на ледник Годвина-Остена высоко в Гималаях. К2 возвышалась надо мной, мраморно-белая с черными пятнами на фоне синего неба — почти идеальный треугольник, будто гора, нарисованная рукой ребенка. Я попыталась сосредоточиться на движении своих ног, но вершина так и притягивала взгляд, поэтому я то и дело посматривала на нее краешком глаза, отчего ощущала себя немного не в своей тарелке. Вершина ныряла туда-сюда, играя в прятки с перистыми летними облаками и вихрями снежных кристаллов, которые подхватывал безжалостный ветер. Не помню точно, какая песня играла у меня в наушниках. Может, это были *Rolling Stones*, и пели они о том, как многообразно то, что ты получаешь: то, что ты хочешь, или то, что тебе нужно. А может это были *Sex Pistols*, распевавшие о различии между тем, что ты хочешь, и тем, что получаешь. У каждой экспедиции свой собственный саундтрек, и любой из них подошел бы для моей второй попытки подняться на К2.

Расположенная на границе Пакистана с Китаем, К2 является высшей точкой горной системы Каракорум

и вторым высочайшим пиком планеты, она простирается на 8610 м, а от базового лагеря ее вершину отделяет примерно 3612 м. Жесточайший мороз, постоянный сход лавин и камнепады, технически сложные подъемы и, что вполне предсказуемо, кошмарные погодные условия на К2 уже стали легендой. Подъем на вершину — изнурительная проверка физической выносливости и силы воли. Ничто не удерживает вас там, одна только целеустремленность, так что, отправляясь на К2, и вы, и все, кто вас любит, отказываетесь в мучительно сложном положении. Мой муж Джонатан может подтвердить это, ничуть не жалуясь.

В 2013 году, за три года до моей второй попытки подъема на К2, лавина вблизи Третьего лагеря, на высоте около 7400 м, унесла двоих, отца и сына. В ослепительно ясный солнечный день я почти смогла рассмотреть, куда их могло сбросить. Еще раньше я пообещала выжившей жене погибшего и их дочери, Секвойе Шмидт, что изо всех сил буду стараться хотя бы увидеть издалека останки кого-нибудь из них. Именно поэтому с самого прибытия в базовый лагерь, когда на глаза нам стали попадаться следы схода лавин, я осматривала изорванные пуховики, куски изодранной одежды и, да, даже отдельные фрагменты человеческих останков. Когда до меня дошли слухи, что другая команда увидела два разных сапога, торчащих бок о бок из ледника, я ощутила прилив надежды и отправилась посмотреть поближе.

Рельеф этих мест — наследие продолжающегося вот уже более 50 млн лет неспешного процесса колоссальной силы, который вызывает изгибы, смятия и поднятия. Индостанская плита врезалась в Евразийскую и нырнула под нее, отчего вверх поднялись горные хребты высотой более 8 км, так образовались Гималаи, которые включают и горную систему Каракорум. Так бывает на трассе, когда автомобиль получает удар сзади: обломки поднимаются и торчат вверх, словно складки аккордеона. Морские окаменелости, которые образовались в первобытных глубинах, теперь вмурова-

ны в скалы на высоте тысяч метров над уровнем моря. Лавины сбрасывают снег в подземные потоки, и они мало-помалу врезаются в гору, оставляя глубокие трещины и хрупкие карнизы

Горы никогда не бывают статичными, но те, чей возраст исчисляется миллиардами лет, как правило, изношены и смиренны. С точки зрения геологии, Гималаи — капризные подростки. Они постоянно огрызаются и плохо себя ведут, без предупреждения сбрасывая обломки камней и скал. Между острыми вершинами непрерывно движутся замерзшие реки и горные водопады, смещаясь за один день на расстояние от 60 см до 1,5 м. Альпинист может легко соскользнуть в глубокую трещину и исчезнуть в ледяной пропасти. Он может быть раздавлен обрушившимся сераком¹ или погибнуть, совершив какую-нибудь роковую ошибку. Альпинисты могут стать жертвой болезни, отека легких или мозга, истощения или гипоксии. Они могут упасть, замерзнуть или просто не проснуться.

На момент написания этой книги на вершину К2 успешно поднялись только 377 человек, еще 84 альпиниста погибли там, поставив ее на второе место после Аннапурны по смертоносности в мире. На каждые двадцать восхождений на Эверест приходится только одна попытка подъема на К2, и из всех, кто совершает восхождение на нее, каждый четвертый погибает. Неприятная реальность состоит в том, что очень немногие тела удается спустить с горы целыми. Оторванные конечности, обрывки снаряжения и вмерзшие в лед тела то появляются на поверхности смещающегося льда, то снова исчезают. Лавина с силой швыряет их, словно гальку в океане: кости оказываются переломаны, суставы и сухожилия порваны, хрящи раскрошены. Тело чаще всего распадается в самых слабых местах, начиная с шеи.

---

¹ Серак — ледяной пик, вертикальное образование, образующееся на передней кромке ледника. В русском языке сераки иногда именуют ледяными столбами или зубами (Здесь и далее — *Прим. пер.*).

Птицы обычно успевают первыми отыскать погибших, задолго до того, как к ним приблизится другое человеческое существо, чтобы перетащить оторванную от туловища голову в какую-нибудь расщелину или присыпать щебнем безымянное туловище. На значительной высоте затраты энергии на то, чтобы завалить труп камнями или попытаться извлечь его изо льда чаще всего подвергают опасности жизнь альпиниста с этими благими намерениями, поэтому моей целью было не вытащить тела тех отца с сыном, а хотя бы идентифицировать их с помощью образцов ДНК.

Шерпы боятся смерти. Многие из них отказываются посещать мемориальную пирамиду возле базового лагеря К2. Некоторые опасаются, что даже фотографирование трупа может прервать странствие души погибшего. Конечно, не было смысла просить их заняться лодыжкой мертвеца, поэтому я пригласила эквадорца Бениньо, моего товарища по команде, подняться со мной на ледник. Он все еще был ниже морены, когда я увидела впереди полосу кристально-голубого льда и снега цвета взбитых сливок. На бледном фоне легко можно было разглядеть ярко-синие и неоново-оранжевые сапоги. Разные цвета, один и тот же европейский бренд. Может быть, это два альпиниста, которые вместе покупали снаряжение. Используя свой *Garmin inReach*, спутниковый прибор, который отслеживает передвижение и позволяет отправлять текстовые сообщения, я отправила сообщение Секвойе. «На них были ботинки марки *Koflach*?»

Ожидая ответа, я поднималась по леднику в поисках других следов или останков. Альпинистское снаряжение так же красочно, как одежда цирковых артистов, в первую очередь потому, что мы хотим быть заметными на фоне льда и скал. Когда я только начала заниматься альпинизмом, это меня страшно бесило. Хотелось выглядеть, как воин-ниндзя, а не набор бутылок с кетчупом и горчицей на столике у гриля, но ботинки *La Sportiva Olympus Mons Evo* всегда ярко-желтые. Так что ситуация напоминает приобретение автомобиля *Model T* от Генри

Форда: бери, что дают. Некоторое время я поднималась, осматривая затененные сугробы. Ничего. Было пасмурно, и я двигалась против ветра, напиравшего с такой силищей, что появлялось неприятное ощущение между ребрами и грудиной. Я вернулась к ботинкам.

Заглянула сначала в синий ботинок и обнаружила, что внутри осталась ступня, лодыжка и сломанная голень с большим количеством плоти на кости. Качество тканей напомнило маринованные свиные ножки, которые так любила моя мать — беловатая мякоть, мраморная от застывшего в желе жира. В детстве я содрогалась, видя, как она наслаждается этим блюдом. Теперь мне показалось, что я вряд ли смогу спокойно смотреть на них в отделе гастронома по соседству. С другой стороны, передо мной было множество возможностей получить образцы ДНК. Я не эксперт, но понимаю основы и полагала, что смогу достаточно спокойно провести забор образцов, поскольку с самого детства была довольно стойким ребенком.

Помню, как в возрасте 8 лет впервые пошла на похороны. Мать подвела меня и моего младшего брата Бена к гробу, чтобы проститься с умершим. Бен был слишком мал, чтобы заглянуть внутрь, но я привстала на цыпочки и спросила: «А потрогать можно?» Мама кивнула, и я протянула руку и погладила твидовый рукав жесткого серого костюма. Этого человека я не знала. Он был для меня, как вешалка с одеждой. Все говорили, что его душа отправилась в рай, и я с детской непосредственностью верила в это. Я до сих пор в это верю. Однако сейчас я достала из кармана набор для забора образцов — хирургические перчатки, ножницы, маску, контейнер для тканей и складной швейцарский нож; руки дрожали. Передо мной была не лягушка, которую нужно было препарировать на уроке биологии. Погибший был чьим-то братом, и, подумав о своем младшем брате, я почувствовала, как моя стойкость куда-то девалась.

— Эй, Бениньо, — позвала я, и он вскарабкался на ледяной холм и встал рядом со мной, выдыхая белые облачка пара.

— Что-то мне нехорошо, — сказала я, протягивая ему маску и перчатки. — Ты же не откажешься мне помочь? Или, вернее, ему.

Бениньо с усмешкой пожал плечами. Альпинисты привыкли к черному юмору. Я держала ботинок, указывая товарищу, какие куски плоти нужно отрезать, и открыла контейнер, чтобы поместить в него образец.

— Вот так. Супер. Теперь ты можешь отломить отсюда кусок кости? Отлично. И то же самое из другого ботинка. Сейчас я достану второй контейнер.

Мы проделали то же самое с другим ботинком. Когда все было сделано, я сняла маску и перчатки, пометила контейнеры и убрала маску, перчатки и нож в отдельный пакет.

— Эй, не выбрасывай нож, — попросил Бениньо. — Лучше отдай мне. Я очищу его и сохранию.

Я позволила ему залезть в рюкзак и достать нож. В нескольких метрах от нас была глубокая трещина, поэтому мы собрали все видимые останки и аккуратно сложили их в темную трещину, сохранив координаты GPS.

— Теперь дай помолиться, — попросила я.

Бениньо стоял, почтительно склонив голову и заложив руки за спину.

— Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; Да придет Царствие Твое; Да будет воля Твоя и на земле... И на земле... Как на небе.

Мой голос пресекся. Вот уже сорок лет, сколько я себя помню, я день за днем читаю *Отче наш*. Теперь же глаза наполнились слезами, я моргала, встревоженная тем, что знакомые слова куда-то пропали, так как множество неведомых до той поры переживаний охватило меня.

— И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Аминь.

Фарман, наш повар и управляющий Базовым лагерем, сказал, что сохранит взятые образцы на льду. Я отправила еще одно сообщение Секвойе, и на этот раз ответ пришел быстро. Ни ее отец, ни брат не носили таких ботинок.

Черт. А я так надеялась, что это они. Мне больше нечего было предложить им, матери и дочери, они так и будут страдать дальше, пребывая в неизвестности. Их неутоленное горе резко противоречило факту наличия в холодильнике неопознанных образцов ДНК. Какой смысл в этих образцах, если их нельзя сравнить с ДНК членов семьи погибших. Я слишком хорошо это понимала. Моя мать умерла, страдая от той же боли. Отец никогда не мог говорить об этом, еще до того, как болезнь Паркинсона лишила его способности говорить вообще.

Увиденное оставалось со мной, влетая кошмарные темы в беспокойные видения на большой высоте в течение следующих дней, которые и без того стали похожи на скверный сон. Лавина, очень напоминавшая ту, что унесла тех отца и сына, снесла третий лагерь внизу, пощадив жизни, но лишив нас тщательно подготовленного снаряжения, палаток, припасов и кислорода. Моя вторая попытка подняться на вершину К2 закончилась проклятым сочетанием мерзкой погоды и невезения. Я не знала, потяну ли я третью попытку, физически, финансово или эмоционально. В тот момент я чувствовала себя так, словно меня раздавили катком.

Чем больше восхождений я совершаю, тем чаще вижу, как повторяется одна и та же история. Динамика делового мира, моя предыдущая жизнь, будь это к лучшему или худшему, отражает динамику восхождений: то, как мы учимся, взаимодействуем; что происходит во время подъема и неудач, как меняется культура командной работы, сотрудничества. Я действительно считала, что диплом *MBA* поможет найти решение любых проблем, отделявших меня от вершины. Горы исправили мою ошибку.

Тем не менее друзья приветствуют меня, как героиню, потому-то, возвращаясь из очередной экспедиции, я с нетерпением жду встречи с ними. Мой муж, с которым мы вместе уже более 20 лет, — целый мир для меня, и с тех пор, как я была ребенком, с тех пор, как

моя собственная семья распалась, я нашла убежище в создании особой семьи, где бы я ни оказалась. Мои друзья — первые, кому я озвучиваю все свои мечты, надежды и страхи. Когда я возвращаюсь домой с триумфом, они помогают мне не слишком погружаться в эйфорию от победы. Если возвращаюсь с неудачей, они снова вселяют в меня оптимизм. Джонатан не спешит разделять мой оптимизм, пока он не будет подкреплён цифрами.

В момент знакомства с мужем я пребывала на вершине мира и, говоря об этом, я имею в виду вовсе не Эверест. Я жила в Лондоне, только что получила диплом *MBA*, имела успешную карьеру в финансовой сфере. Джонатан, корпоративный бухгалтер, выживший в ледяной пропасти английской школы-интерната, где учился с 7 лет, счел все вышеперечисленное неотразимо сексуальным. Он обожал мой «дух приключений», подразумевавший рискованные действия, в том числе умение повернуться на пятках, запрыгнуть на лыжный подъемник (хватать за перекладину!), готовность сделать все возможное, чтобы не опоздать на сафари. Мне кажется, все это лучше всего можно охарактеризовать словом «веселье»; благовоспитанные маленькие мальчики в английских школах-интернатах незнакомы с этим техническим термином. Кроме того, тогда Джонатан не знал (и узнал лишь позже, когда об этом стало известно и мне), что в моей жизни произошли ужасные события, которые не прекращали тревожить меня. Я просто очень хорошо умела никогда не говорить о них.

Теперь у меня это получается не так хорошо. Каждая покоренная вершина изменила меня: теперь я уже не так склонна скрывать свои переживания. Тем не менее я не стану утверждать, что альпинизм помог мне достичь юнгианской самореализации или как-то этак на меня повлиял. Я подписываюсь под классическим высказыванием Джорджа Мэллори, объяснявшего одному из репортеров в 1923 году, почему он хочет подняться на Эверест: «Потому что он есть. Само его существо-

вание — вызов». С этим я согласна. Но Мэллори продолжил: «Ответ инстинктивный, я полагаю, это отчасти желание человека завоевать Вселенную». Может быть, таково желание мужчины. Но не мое. Мне никогда не хотелось покорить К2, Эверест или любую другую гору. Я представляю себе, как забираюсь на колени материгоры. Я бы никогда не смогла считать себя сильнее, величественнее, мудрее и благороднее, чем она.

Первыми на вершину К2 поднялись Лино Лачеделли и Акилл Компаньони, участники исторической итальянской экспедиции 1954 года. Первыми американцами, покорившими вершину, были Джим Уиквайр и Луис Рейхардт в 1978 году. Первой женщиной там стала польская альпинистка Ванда Руткевич в 1986 году, когда погибли тринадцать альпинистов, включая напарников Руткевич по восхождению. В 2017 году, через 31 год после Ванды, я стала первой американкой, оказавшейся на К2. Поскольку у меня двойное гражданство, я также стала первой британкой, поднявшейся на К2 и благополучно спустившейся оттуда. Это получилось лишь с третьей попытки. Мне было 52 года, и на тот момент я серьезно занималась альпинизмом меньше восьми лет.

Как и все остальные, я искренне удивляюсь тому, что опыт в бизнесе действительно подготовил меня к жизни, полной приключений и исследований. Да, между этими понятиями есть различия. Приключение — то, чем вы занимаетесь для себя; исследование — то, что вы делаете для потомков, то, чем вы платите долги. Не всегда удается испытывать удовольствие в процессе получения удовольствия. Если по пути бывает весело, это здорово. Я обожаю планирование, исследования и особый дух экспедиций. Мое воображение захватывают потрясающие виды и щедрость местных жителей в разных странах. Какая это привилегия — испытывать гостеприимство и радушие народов Пакистана и Непала! Но непосредственный подъем на гору зачастую означает дискомфорт и мучение. С точки зрения психологии это мрачный тест, сколько раз вы сможете бодро спеть

Девяносто девять бутылок пива стояли на стене, убавляя с каждым куплетом по одной. С точки зрения физической формы в лучшем случае это испытание бесконечными километрами, а в худшем — чистый кошмар. Обмороженные пальцы на руках и на ногах вздуваются, темнеют, а иногда и отваливаются. Когда неделями или даже месяцами живешь под открытым небом, никуда не спрячешься от сил природы. Чтобы приблизиться к высочайшим вершинам мира на расстояние крика, нужно совершить путешествие по странам третьего мира, где вода из крана временами опаснее, чем вихрь от турбины самолета, не говоря уже о местных бандитах, основным промыслом которых является захват альпинистов ради выкупа.

— Дождаться не могу, когда же мы уберемся отсюда подальше, — вздохнул однажды один из альпинистов, и это сомнительно-оптимистическое заявление всплывает у меня в памяти всякий раз, когда я вижу, как коровы поедают картонные коробки на краю сточной канавы, либо дети работают в поле. Эти слова приходят мне на ум всякий раз, когда я захожу в кишасший паразитами горный приют с земляным полом или задыхаюсь от вони в загаженном отхожем месте. Если я снимаю мокрый носок и нахожу буквально фарш там, где раньше была подушечка стопы, я напоминаю себе, что у надежды всегда есть обратная сторона. Чтобы ощутить надежду, приходится пережить неудачи и разочарование. Так бывает и в бизнесе, и в жизни.

Но не так давно, перебирая старые семейные фотографии, я заметила кое-что, чего никогда раньше не видела. Почти на каждом снимке на заднем фоне видны какие-то горы. Вот карточка, где я малышкой лежу на пледе для пикника, расстеленном где-то на лугу. Мой отец, такой красивый, лежит, откинувшись на локоть, а за ним, как зубцы грабель, поднимаются уступы утеса в парке. Вот мы с моим младшим братом Беном: нас запихнули бок о бок в кресло аттракциона, он широко улыбается, а у меня такой вид, будто я замышляю ко-

го-то убить. Сквозь шаткое ограждение видна пирамида далекой вершины. Большой Каньон, парк Йосемити, заповедник Йеллоустон — все обычные места, куда среднестатистическое американское семейство выбирается на отдых плюс множество заснеженных холмов и мысов, которые я не узнаю. Я вижу их сейчас, это великие стойкие часовые, неуклюжие в тени беспокойного времени, готовые поделиться своей грозной массой с миром, который вот-вот рухнет. Спустия долго время после того, как исчезла моя семья, горы вернулись и заявили на меня свои права.

Это история о том, как я поднялась на вершины высочайших гор мира и прошла по темным долинам, о которых мне нелегко говорить. Это история о стойкости, о ребенке, рожденном в любви для препятствий и лавин, и о том, как приключение всей жизни превращается в исследование. Кроме того, я расскажу, как ходят в туалет во время восхождений, ибо почему-то меня постоянно спрашивают об этом. Чтобы сделать рассказ максимально красочным, я перетасовала некоторых персонажей и кое-какие события, а разговоры постаралась воссоздать по своим воспоминаниям так, чтобы как можно лучше передать дух происходящего. По ряду причин многие имена были изменены. События, не имеющие отношения к рассматриваемой истории, я не упоминаю. Эти воспоминания не охватывают мою жизнь и карьеру во всей их полноте. Надеюсь, что окружающие меня люди поймут, что их присутствие или отсутствие на страницах этой книги не может служить мерилем их положения в моем сердце. Есть несколько вариантов этой истории, и все они по-своему правдивы, как правдиво любое воспоминание об увиденном вместе с товарищем в неверном свете фонарика.

Когда среди моих друзей заходит разговор об этом, Стефани всегда утверждает, что это она заявила, что мне надо подняться на Эверест. Пиппа говорит, что все началось с какого-то сомнительного, вернее, очень сомнительного письма в электронной почте. Майя считает, что

Ванесса О'Брайен
К величайшим вершинам

во всем виновата текила, и я склонна согласиться с ней, поскольку это история о неуправляемых духах. Впрочем, все эти неясные детали уже не имеют значения. Я предпочитаю быструю перемотку вперед, а не повторное проигрывание событий. Ностальгия — пустая трата кислорода, а сожаления имеют отвратительное свойство накапливаться и превращаться в лавину. Значение имеет лишь гора, что стоит впереди.